

ПАЗЛ
детективный триллер
Книга 9

Хранитель плёнок

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Хранитель плёнок

«Автор»

2026

Карадениз М.

Хранитель плёнок / М. Карадениз — «Автор», 2026

Обычный заказ на оцифровку старых плёнок — рутинная работа для звукорежиссёра Дениса Шмелёва. Но когда пожилая клиентка приносит катушки с голосом покойного мужа, Денис находит на одной из них чужой голос. «Я тот, кто был похоронен», — произносит незнакомец. Через несколько дней клиентка погибает при странных обстоятельствах. Теперь Денис — единственный, кто знает о существовании этой записи. И кто-то готов убивать, чтобы голос навсегда замолк. Расследование затягивает его в лабиринт из старых магнитных плёнок, запертых дверей и чужих секретов. Каждая новая катушка открывает всё более страшную правду, а круг подозреваемых сужается до тех, кому он доверял. Но самый опасный секрет — тот, который Денис найдёт на последней плёнке. Голос не врёт. И он уже слышал его раньше.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ГОЛОСА ИЗ СТЕН	8
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Хранитель плёнок

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Я знаю, что такое голос.

Не как звук. Не как слова. Как след. Как отпечаток пальца, только в воздухе. Человек говорит — и оставляет невидимый узор в пространстве. Никто не замечает, потому что все слушают смысл. А я слушаю узор. Двадцать лет я провёл в этом подвале, среди бетонных стен и звукоизоляционных матов, среди катушек и лент, и я научился слышать то, что другие пропускают мимо ушей.

Голос не умирает. Голос остаётся в плёнке. И если кто-то найдёт нужную плёнку — всё рухнет.

Она лежит на столе. Старая, в пластиковой коробке с треснувшим углом. Я нашёл её сегодня вечером, когда проверял заказы. Она не была в картотеке. Её не должно было быть здесь. Но она была, потому что Тамара Львовна принесла её вчера, а мой помощник, не глядя, поставил в очередь на оцифровку.

Я услышал голос через стенку. Я сидел в аппаратной и вдруг услышал его — тот самый. Тот, который я стёр пятнадцать лет назад. Тот, который не должен был существовать.

Я не хотел. Но она всё слышала. Она знала. Я должен был.

Я нажал «стоп». Плёнка перестала крутиться. В студии стало тихо — только гул трансформатора где-то в стене. Я вынул катушку и положил её в карман. Я перемотал её в уме — все эти метры коричневой ленты, все эти звуковые дорожки с голосом, которого не должно быть.

Я пошёл в мастерскую. Достал старый магнитофонный стиратель — тот, что я держу для очистки старых лент. Приложил к катушке. Дёрнул. Чувствуешь? Это вибрация, которая стирает всё. Голос исчезает. Становится пустота. Белый шум.

Я сделал это. Я уничтожил его.

Но когда я уже хотел выбросить пустую катушку, я вспомнил: Тамара Львовна заказала оцифровку двух коробок. В одной была эта плёнка. А во второй — что-то ещё. Она сказала моему помощнику, что хочет «перегнать всё в цифру, чтобы сохранить память о муже».

Но это был не её муж. Это был я.

Я не знаю, что было во второй коробке. Я не знаю, сделал ли уже кто-то из моих людей копию. Может быть, она уже существует — где-то на другом носителе, в другой комнате, в чужом компьютере. Я не могу это проверить. Я не могу рисковать.

Мне нужно найти все копии, прежде чем их найдёт кто-то ещё.

Я вышел из студии в три часа ночи. Город спал. Над подъездом горела тусклая лампа. Я сел в машину и поехал домой. В голове крутился голос с плёнки — тот самый, который я стёр. Он звучал снова и снова, потому что я помнил его наизусть. Это как проклятие: ты стираешь запись, но она остаётся в твоей голове. Навсегда.

Утром я узнал, что Тамара Львовна мертва.

Отравление угарным газом. Несчастный случай.

Я не убивал её. Я не трогал её квартиру. Я не подходил к ней после того, как она ушла из студии. Но я знал, что она умрёт, потому что я знал, что она нашла. И я знал, что кто-то другой тоже знал, что она нашла. Тот, кто не хотел, чтобы голос вернулся.

Тот, кто сильнее меня.

Тамара Львовна нашла. И она заплатила. Теперь очередь Дениса.

Я смотрю на телефон. На экране — список контактов студии. Фамилия «Шмелёв» горит зелёным.

Денис Шмелёв. Звукорежиссёр. Мой коллега. Мой помощник. Человек, который сегодня утром придёт на работу и увидит, что плёнки нет. Он будет искать. Он всегда ищет, потому что он слышит больше, чем я. Он слышит то, что я пропускаю.

Он не знает, что ищет. Но он найдёт. Он обязательно найдёт.

Я должен опередить его. Я должен найти вторую коробку. Я должен уничтожить всё, что связано с тем голосом. И если Денис встанет у меня на пути...

Я убираю телефон в карман. Начинается дождь. Я смотрю на небо и слышу, как капли стучат по крыше машины. Это похоже на белый шум. На пустоту. На тишину, которая остаётся после того, как стирают голос.

Голоса не умирают. Они живут в плёнке. И я должен убедиться, что этот голос умрёт навсегда.

Даже если для этого придётся убить снова.

ЧАСТЬ 1. ГОЛОСА ИЗ СТЕН

ГЛАВА 1

Денис Шмелёв проснулся от того, что левое ухо заложило. Не просто заложило — словно кто-то залил туда жидкий бетон, который застыл и превратился в глухую, давящую пробку. Он сел на кровати, потряс головой, постучал ладонью по виску. Никакого эффекта. Только глухой, пульсирующий шум, будто где-то внутри черепа работал вентилятор.

— Опять, — сказал он пустой комнате.

Отит. Хронический. Врач говорил, что это от работы — постоянное напряжение, наушники, звук высоких частот. Что-то про барабанную перепонку и слуховую трубу. Денис не запомнил термины, запомнил только, что ничего нельзя сделать. Только терпеть. И ждать, когда отпустит.

Он встал, прошёл на кухню, налил чай. Квартира была маленькой, однокомнатной, с низким потолком и старой мебелью, которая досталась от предыдущего жильца. Диван, который скрипел, стол, который шатался, и холодильник, который гудел так громко, что Денис иногда просыпался от этого звука. Но он привык. Он привыкал к любым звукам. Это была его супер-сила и его проклятие одновременно.

Он сунул палец в левое ухо, покрутил. Ничего. Потом наклонил голову в сторону и потряс — как будто можно было вылить оттуда воду. Не помогло. Денис вздохнул и пошёл в ванную. Умылся холодной водой. Посмотрел на себя в зеркало.

Сорок один год. Из-под глаз — мешки, на щеках — серая щетина, которую он забыл сбрить вчера. Волосы начинали редеть на макушке, но он всё ещё пытался отращивать их длиннее, чтобы скрыть залысины. Не помогало. Ничего не помогало — ни длинные волосы, ни чай, ни холодная вода. Он выглядел на свой возраст, и это его раздражало.

Денис оделся — джинсы, футболка, лёгкая ветровка. Надел кроссовки. Перед выходом проверил телефон — никаких сообщений, никаких звонков. Только напоминание от календаря: «Заказ Тамара Львовна — оцифровка плёнок». Он выдохнул. Обычный день. Обычная работа. Ничего не предвещало.

Студия «Голос» находилась в центре города, в старом здании, которое когда-то было бомбоубежищем. Вход — через неприметную дверь между продуктовым магазином и прачечной. Без вывески. Только маленькая табличка с названием, которую никто не замечал. Денис любил это место именно за неприметность. Он спускался вниз по лестнице, где стены были покрыты толстым слоем звукоизоляционной плитки, и чувствовал, как мир снаружи исчезает. Остаются только звуки. И работа.

Он открыл дверь ключом, вошёл. Тёмный коридор. Запах старой бумаги, пластика, нагретой электроники и ещё чего-то — как будто пыль смешалась с машинным маслом. Денис включил свет. Зажужжали лампы дневного света. Студия предстала перед ним в своём обычном виде: бетонные стены, звукоизоляционные маты на них, огромный пульт в центре, старые колонки по углам, стойки с аппаратурой и — самое главное — стеллажи, уходящие вглубь комнаты. Тысячи кассет, катушек, коробок. Голоса. Много голосов.

Денис прошёл к рабочему столу, сел в кресло, которое скрипнуло под ним. Нажал кнопку на пульте — система включилась. Тёплый гул трансформатора, затем лёгкое шипение динамиков. Он проверил уровни: всё работало. Правое ухо слышало чисто, левое — глухо. Он снял наушники и потёр ухо. Бесполезно.

Он начал разбирать вчерашние заказы. Пара плёнок на оцифровку от местного краеведческого музея, старые записи лекций. Ещё одна — от женщины, которая приносила голос сво-

его покойного мужа, чтобы сделать аудиооткрытку для дочери. Денис работал механически: вставлял катушку, проверял дорожки, запускал процесс. Он любил эту работу за предсказуемость. За то, что голоса на плёнках были прошлым, а прошлое не умеет удивлять.

В одиннадцать часов в студию вошла Тамара Львовна.

Денис услышал её шаги ещё до того, как она открыла дверь. Старые, шаркающие шаги, с паузой на лестнице — она переводила дыхание. Дверь открылась, и на пороге появилась пожилая женщина: седые волосы, строгий тёмный плащ, очки в тонкой металлической оправе. В руках — большая картонная коробка, перевязанная бечёвкой.

— Денис? — спросила она, прищурившись.

— Тамара Львовна, здравствуйте, — он встал из-за стола. — Проходите, садитесь.

Она поставила коробку на свободный стул, тяжело выдохнула. Сняла плащ, повесила на вешалку. Денис заметил, что руки у неё дрожат. Не сильно, но заметно. Возраст. Или что-то ещё.

— Я вчера звонила, — сказала она. — Вы помните?

— Да, конечно. Оцифровка. Вы говорили про старого мужа.

Тамара Львовна кивнула, но в глазах её мелькнуло что-то похожее на испуг. Она посмотрела на коробку, потом на Дениса. Взяла себя в руки.

— Да. Мой муж, — она произнесла это с паузой. — Вернее, его голос. Я хочу сделать резервную копию, понимаете. Боюсь, что плёнки испортятся. Они старые.

— Это правильно, — Денис улыбнулся. — Мы всё сделаем. Сколько катушек?

— Двенадцать.

Он хотел взять коробку, но Тамара придержала её рукой. Жест был резким, почти отчаянным. Денис замер.

— Что-то не так? — спросил он.

Тамара Львовна помолчала. Её пальцы сжимали край коробки. Она смотрела в сторону, на стеллажи с плёнками, потом снова на Дениса. Она открыла рот, закрыла, потом открыла снова. И заговорила — тихо, почти шёпотом:

— Денис, я чувствую, что на одной из плёнок — не мой муж. Я понимаю, это звучит глупо. Но я слушала их дома, перед тем как принести. И там, на одной катушке... я не узнаю голос. Это кто-то другой. Но голос очень похож. Так похож, что у меня мурашки.

Она сглотнула.

— Мне страшно. Мне кажется, я должна была это услышать.

Тишина. Только гул трансформатора в стене. Денис смотрел на неё, и в груди у него что-то шевельнулось. Не страх. Любопытство. Профессиональное любопытство.

— Давайте я проверю, — сказал он мягко. — Всё будет хорошо. Я прослушаю каждую катушку. Если там что-то не так, я скажу вам.

Тамара Львовна медленно убрала руку с коробки. Встала. Поправила очки. Посмотрела на Дениса с выражением, которое он не мог прочесть. Благодарность? Страх? Надежда?

— Спасибо, — сказала она. — Вы не представляете, как это для меня важно.

Она надела плащ, поправила воротник. Направилась к двери. У порога обернулась.

— Денис... вы будете осторожны?

Он улыбнулся.

— С плёнками? Конечно.

Тамара Львовна вышла. Дверь закрылась. Её шаги затихли на лестнице.

Денис остался один. Он подошёл к коробке, развязал бечёвку. Внутри — двенадцать катушек в пластиковых коробках, аккуратно подписанных тонким почерком: «1988», «1990», «Наша свадьба», «Голос мужа». Денис взял первую катушку, вставил в проигрыватель. Надел наушники. Нажал «воспроизведение».

Шипение. Потом голос. Мужской, низкий, с хрипотцой. Он говорил о чём-то бытовом — о покупке машины, о планах на лето. Обычный мужской голос, каких сотни. Денис перемотал, послушал дальше. Всё то же.

Он поставил вторую катушку. Третью. Четвёртую. На пятой — он услышал его.

Голос. Тот самый, который, по словам Тамары Львовны, не был голосом её мужа.

Денис замер.

Тембр был почти таким же, но на полтона выше. Дикция — другая, чуть более резкая, с металлическим оттенком. И слова: «Ты знаешь, кто я. Не притворяйся. Я тот, кто был похоронен».

Денис перемотал назад, прослушал ещё раз. И ещё. Сердце забило быстрее. Он выключил запись, снял наушники. Посмотрел на катушку. На коробке был подпись: «Голос мужа, 1995».

Но это был не муж.

Денис взял катушку в руки. Поднёс к свету. Потёр большой палец по краю ленты. Какая-то царапина, старый след от магнита. Он не знал, что это значит, но что-то внутри него щёлкнуло. Он вспомнил лицо Тамары Львовны, её дрожащие руки. Её слова: «Мне страшно».

Он посмотрел на дверь, за которой она вышла.

Что-то было не так.

Денис поставил катушку обратно в коробку. Достал телефон, хотел набрать её номер, чтобы спросить, откуда эта запись. Но в этот момент в динамиках раздался щелчок. Он поднял голову. В студии никого не было. Только он.

Он перевёл взгляд на пульт. На индикаторах уровня что-то мигнуло. Чуть-чуть. Будто кто-то включил микрофон где-то в другой комнате. Но в студии не было микрофонов — все были выключены.

Денис замер. Он слышал левое ухо? Нет. Всё ещё заложено.

Но он слышал правое. И правым ухом он услышал тихий, едва уловимый звук — кто-то дышал в динамиках.

Денис медленно повернул голову к двери.

За дверью было тихо. Но он знал, что только что кто-то был там. Стоял и слушал.

Он встал. Подошёл к двери. Рывком открыл её — коридор пуст. Только тусклый свет лампы дневного света и ступеньки, уходящие вверх. Никого.

Денис вернулся к столу, сел. Посмотрел на коробку Тамары Львовны. На катушку с голосом, который не был голосом её мужа.

Он не знал, что это значит. Но он знал одно: эта плёнка — не просто старая запись. Это ключ. К чему-то, чего он ещё не понимал.

Он взял телефон и набрал номер Тамары Львовны.

Гудки. Долгие. Потом автоответчик: «Абонент недоступен».

Денис сбросил вызов. Посмотрел на часы. Она вышла десять минут назад. Она должна была уже быть дома. Почему она не берёт трубку?

Он положил телефон на стол. Снова посмотрел на катушку.

— Что ты такое? — спросил он у плёнки.

Плёнка молчала.

ГЛАВА 2

Денис сидел за пультом, глядя на катушку. Голос из динамиков всё ещё звучал в его голове: «Ты знаешь, кто я. Не притворяйся. Я тот, кто был похоронен». Слова были простыми, но интонация... интонация была чужой. Слишком спокойной. Слишком уверенной. Так не говорят с женой. Так говорят с врагом.

Он перемотал плёнку к началу фрагмента. Нажал «воспроизведение». Снова: «Ты знаешь, кто я...»

Денис закрыл глаза и сосредоточился на голосе. Правое ухо работало безупречно — он слышал каждое колебание, каждый выдох, каждое прикосновение воздуха к микрофону. И именно это позволило ему уловить разницу. Не просто «похожий голос» — два человека с почти идентичным тембром. Но муж Тамары Львовны говорил мягче, с придыханием, с паузами между словами. А этот мужчина — рубленые фразы, металлический оттенок, будто он сдерживал злость.

Денис открыл глаза. Он достал из стола старый блокнот и записал:

Голос №1 (муж Тамары): частота — низкая, дикция — спокойная, тембр — тёплый.

Голос №2 (неизвестный): частота — выше на полтона, дикция — резкая, тембр — холодный.

Он перечитал запись. Разница была очевидна — для него. Для обычного человека голоса слились бы в один. Но Денис не был обычным человеком. Он был звукорежиссёром с восьмилетним стажем, который за свою жизнь прослушал тысячи часов записей. Он слышал то, чего не слышали другие.

Денис подошёл к стеллажу с архивом. Студия «Голос» существовала двадцать два года, и за это время здесь накопилось больше двух тысяч катушек, кассет, дисков. Заказы от частных лиц, от музеев, от радиостанций, от полиции — да, полиция иногда приносила аудиозаписи для экспертизы. Всё это было разложено по годам, по фамилиям клиентов, по темам. Если голос принадлежал человеку, который когда-либо пользовался услугами студии, его можно было найти.

Денис начал с 1995 года — на коробке было написано «Голос мужа, 1995». Он вытащил папку с заказами за тот год. Пролистал. Имена, фамилии, даты. Но катушка не была привязана к конкретному заказу. Она была просто подписана «Голос мужа», без номера, без даты. Странно. Тамара Львовна сказала, что принесла голоса своего покойного мужа. Но эта катушка не принадлежала ему. Откуда она взялась?

Денис пролистал папку дальше. 1994, 1996, 1997. Ничего. Он проверил фамилию клиента — муж Тамары Львовны был записан как «Владимир Николаевич Роцин». Денис нашёл его заказы: пять катушек с голосом, которые он записывал для своей жены в 1993 году. Он достал одну из них, вставил в проигрыватель. Сравнил.

Тёплый тембр. Мягкая дикция. Те самые придыхания между словами.

Денис выключил запись. Он знал теперь точно: голос на катушке от Тамары Львовны не принадлежал её мужу. Тогда кому?

Он снова подошёл к стеллажу и начал методично просматривать все катушки, которые были оцифрованы в 1995 году. Было их немного — около сорока. Он проверял каждую — голос, фамилию, дату. Ничего. Голос с плёнки не повторялся.

— Кто ты? — прошептал Денис, глядя на катушку.

В этот момент он не знал, что в десяти кварталах от студии, в старом панельном доме на улице Советской, разворачивалась другая сцена.

Роман Белов стоял на лестнице пятого этажа и ждал, пока клиентка откроет дверь. В руках он держал сумку с инструментами — гаечные ключи, отвёртки, изолента, тестер. И магнит. Специальный, с сильным полем — тот, который он всегда носил с собой. На всякий случай.

Он был мастером по ремонту бытовой техники. Чинил стиральные машины, холодильники, плиты. Внешне — неприметный мужчина средних лет: серые глаза, короткая стрижка, дешёвая куртка с протёртыми локтями. Он выглядел как тысячи других мастеров в этом городе — вежливый, услужливый, готовый помочь. Никто не запоминал его лица. Никто не запомнил его голос.

— Сейчас, сейчас, — сказала женщина за дверью. — У меня газ отключили, я так переживаю...

— Не переживайте, — ответил Роман. — Я всё проверю.

Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз. Он думал о другом. О том, что утром, когда он зашёл на сайт студии «Голос» проверить статус своих старых заказов, он увидел новую запись в базе: «Тамара Львовна Рощина — оцифровка плёнок». Он нажал на дату — заказ был сделан вчера.

Роман замер, когда увидел это. Тамара Львовна. Он знал эту женщину. Она была клиенткой студии, но ещё она была соседкой Галины. А Галина... Галина была той, кто знала правду.

Он посмотрел на свою сумку. Вспомнил утро. Как он проверил базу. Как увидел фамилию Рощиной. Как понял, что она что-то нашла.

Он набрал номер Тамары Львовны. Она взяла трубку после второго гудка.

— Алло?

— Тамара Львовна? Это Роман, мастер. Я чинил у вас в прошлом году газовую плиту. Вы помните?

Пауза. Она помнила.

— Да, да, конечно, Роман, — голос у неё был взволнованный. — Что-то случилось?

— Нет, нет, — он старался говорить мягко. — Я просто хотел сказать: я нашёл ваш старый заказ в студии. Вы недавно туда обращались?

Тишина. Он услышал, как она выдохнула.

— Да. Я... я приносила плёнки. Голос мужа.

— Тамара Львовна, — Роман понизил голос до шёпота, — я хочу вам помочь. Мне кажется, я знаю, о чём вы думаете. Я могу приехать. Мы можем поговорить.

— О чём поговорить? — спросила она.

— О голосе, который не принадлежит вашему мужу.

Долгая пауза. Он слышал, как она дышит — прерывисто, нервно. Потом она сказала:

— Приезжайте. Я дома.

Роман сбросил вызов. Он посмотрел на свои руки — они не дрожали. Он так долго жил с этой тайной, что страх перестал существовать. Осталась только необходимость. Он должен был уничтожить все следы. Тамара Львовна — след. Она слышала голос. Она знала, что это не её муж. Она могла начать задавать вопросы. А вопросы вели к Галине, а Галина — к правде.

Он взял сумку и пошёл к выходу. Но перед тем как уйти, он заглянул в соседнюю квартиру — туда, где жила Галина. Дверь была закрыта. Он приложил ухо к двери. Внутри было тихо. Галина, вероятно, была на работе. Это давало ему время.

Роман вышел на улицу. Сел в старую «Ладу», которая стояла у подъезда. Завёл двигатель. Он знал, что делать. На кухне у Тамары Львовны старая газовая плита с неисправным краном. Достаточно ослабить соединение, чтобы газ начал выходить. Достаточно уйти, чтобы через несколько часов она уснула и не проснулась.

Он выехал со двора. В зеркале заднего вида мелькнула фигура — женщина с сумкой. Он узнал её. Галина. Она возвращалась домой. Роман стиснул руль. Всё усложнялось. Галина

была свидетелем. Она видела, как Тамара приносила плёнки. Она могла слышать разговоры. Он должен был успеть.

В студии Денис снова поставил катушку. Он слушал голос в десятый раз, пытаясь вычленишь ещё что-нибудь — фон, шум, эхо. Он слышал тихое гудение — возможно, старый трансформатор. Где-то в глубине записи был звук шагов. Кто-то ходил рядом с микрофоном. Но больше ничего.

Он выключил запись. Снял наушники. Потер левое ухо — оно всё ещё не слышало. Он раздражённо хлопнул ладонью по столу. Бесполезно.

И в этот момент зазвонил телефон.

Резко, громко. Денис вздрогнул. Он посмотрел на экран — номер был скрыт. Он взял трубку.

— Алло?

— Денис Шмелёв? — голос был мужской, низкий, с металлическим оттенком. В нём было что-то знакомое. Что-то, что Денис только что слышал.

— Да, это я. Кто говорит?

— Не трогайте плёнки. Вы не знаете, что ищете.

Сердце Дениса забилося быстрее. Он сжал трубку.

— Кто вы?

В ответ — только гудки.

Денис смотрел на телефон. Потом перевёл взгляд на катушку, которая лежала на столе. Голос по телефону был тем же голосом, что на плёнке. Или почти тем же. Снова разница в тембре — но это был тот же человек. Он был уверен.

Он положил трубку. Руки слегка дрожали.

— Кто ты? — прошептал он снова.

Плёнка молчала. Но телефонный звонок сказал ему главное: Тамара Львовна была права. Ей угрожали. И теперь угрожали ему.

Денис встал из-за стола, подошёл к двери, закрыл её на замок. Затем вернулся, взял катушку и спрятал её в сейф под столом. Сейф был старый, с кодовым замком — он поставил код, который помнил только он.

Он сел и посмотрел на телефон. Он должен был позвонить Тамаре. Он должен был предупредить её.

Он набрал номер. Гудки. Снова. И снова. Никто не брал трубку.

ГЛАВА 3

Денис набрал номер Тамары Львовны ещё раз. Гудки. Четыре, пять, шесть. Затем короткие гудки — автоответчик. Он сбросил вызов и посмотрел на экран телефона. Скрытый номер. Такой же, как у того, кто только что звонил. Он зашёл в настройки и проверил историю вызовов. Входящий номер высвечивался как «Неизвестный абонент». Ни идентификатора, ни города, ни оператора. Просто пустота.

Денис положил телефон на стол и глубоко выдохнул. Пытался успокоиться. Это не работало. Сердце колотилось где-то в горле, а левое ухо пульсировало тупой, давящей болью. Он потёр виски. Вспомнил голос из трубки — низкий, металлический, с той же хрипотцой, что и на плёнке. Это не могло быть совпадением. Тот же человек. Тот, кто сказал на плёнке: «Я тот, кто был похоронен».

Денис подошёл к раковине в углу студии, налил холодной воды в кружку, выпил залпом. Вода обожгла горло. Он поставил кружку на стол и посмотрел на стеллажи с архивом. Восемь лет он работал здесь и никогда не обращал внимания на то, как много информации хранится в этих коробках. Имена, даты, голоса. Целая жизнь, запечатанная в пластик и магнитную ленту.

Он подошёл к стеллажу с буквой «Р». Нашёл папку «Рощина Тамара Львовна». Вытащил её. Внутри — заказы за последние пять лет. Денис сел за стол и начал изучать их один за другим.

2019 год: заказ на оцифровку трёх катушек с голосом мужа. 2020 год: две катушки, та же тема. 2021 год: одна катушка. 2022: две. 2023: три. И вот, 2024 год: заказ на двенадцать катушек. Но в этом заказе были не только катушки с голосом мужа. Были ещё и катушки без подписи — те самые, которые принесла Тамара Львовна вчера.

Денис перечитал заказ. Там было указано: «Двенадцать катушек, личные записи». Но ничего не говорилось о том, что они принадлежали мужу. Только «личные записи». Это могло означать что угодно.

Он нахмурился. За последние пять лет Тамара Львовна всегда заказывала только голос мужа. Она была последовательна — это была её традиция, её способ сохранить память. Но в этот раз она принесла чужие плёнки. Почему?

Денис закрыл папку. Он вспомнил её слова в студии: «Денис, я чувствую, что на одной из плёнок — не мой муж». Она знала, что принесла не то. Она сознательно принесла эти катушки. Но откуда они у неё?

Он прокрутил в памяти её фразы. Она говорила что-то о соседке. Да, точно. Она сказала: «Я не помню, чтобы я заказывала это. Наверное, я перепутала коробки с соседкой. Она отдала мне свои плёнки незадолго до смерти». Соседка умерла полгода назад.

Денис подошёл к коробке, которую принесла Тамара Львовна. Она всё ещё стояла на стуле, полуоткрытая, с торчащими катушками. Он начал перебирать их. Там были катушки с подписями «Голос мужа», «Наша свадьба», «Дача». Но были и другие — без подписей, только номера: «№4», «№7», «№12». Он вытащил одну из них, проверил. Плёнка была старой, с желтоватым отливом. Она пахла пылью и временем.

Он заметил, что на дне коробки что-то лежит. Конверт. Жёлтый, выцветший, с загнутыми краями. Денис достал его. На конверте не было имени, только адрес. Адрес квартиры в старом доме на улице Садовой. Тот самый, где жила соседка.

Денис посмотрел на конверт. Внутри что-то было — не письмо, а карточка. Он открыл конверт и достал её. Это был старый пропуск в музей, с фотографией женщины — молодой, с тёмными волосами и улыбкой. На обороте карандашом было написано: «Помни меня».

Денис перевернул пропуск. На лицевой стороне была надпись: «Государственный исторический музей, отдел фондов». И фамилия: «Алла Смирнова».

Он не знал этой фамилии. Но он знал, что эта женщина была соседкой Тамары Львовны. И она умерла полгода назад. Она отдала коробку Тамаре перед смертью. В этой коробке была плёнка с голосом, который не принадлежал мужу.

Денис сжал пропуск в руке. Он чувствовал, что между этим голосом и этой женщиной есть связь. Но какая?

Он снова посмотрел на адрес на конверте. Улица Садовая, дом 14, квартира 7. Он знал этот дом — старый, с высокими потолками и скрипучими полами. Он проезжал мимо сотни раз. Но он никогда не был внутри.

Денис положил пропуск обратно в конверт. Он посмотрел на часы — почти шесть вечера. Студия закрывалась. Он мог бы поехать туда сейчас, пока ещё светло. Проверить квартиру. Может быть, там остались другие плёнки. Или что-то, что объяснит, почему этот голос оказался у Тамары Львовны.

Он взял ключи, куртку. Выключил аппаратуру. Запер сейф с катушкой. На секунду задержался у двери и прислушался. Тишина. Только гул трансформатора. Ни шагов, ни дыхания. Он вздохнул и вышел из студии.

На улице уже темнело. Денис сел в машину и завёл двигатель. Он не знал, что найдёт в той квартире. Но он знал, что должен поехать. И что-то внутри него подсказывало, что это не просто любопытство. Это была необходимость.

Он выехал со стоянки и направился к улице Садовой. В голове крутился голос с плёнки: «Ты знаешь, кто я». И голос из трубки: «Не трогайте плёнки».

Он не знал, кто это был. Но он собирался узнать.

ГЛАВА 4

Роман Белов вышел из подъезда и закурил. Стоял вечер, город накрывали сумерки, фонари ещё не зажглись. Он сделал глубокую затяжку и посмотрел на небо. Серое, низкое. Обещает дождь.

Он потянулся — спина затекла после двух часов работы. Старая стиральная машина, которую он чинил, оказалась сложнее, чем думал. Но клиентка была довольна, заплатила даже больше, чем просил. Роман сунул деньги в карман куртки и достал телефон.

Он открыл новостную ленту. Полистал. Криминальная хроника, происшествия, экономика. Ничего интересного. Он уже хотел убрать телефон, когда увидел заметку: «В центре города от угарного газа скончалась пенсионерка».

Роман замер. Нажал на ссылку. Чёрно-белая фотография старого дома, и подпись: «Сегодня утром в квартире на улице Ленина была обнаружена женщина. По предварительным данным, причиной смерти стало отравление угарным газом». Имя: «Тамара Львовна Рощина, 63 года».

Он не улыбнулся. Он вообще не почувствовал ничего. Только холодное, ровное спокойствие, как будто кто-то выключил все эмоции. Он знал, что это случится. Он сам подготовил всё — ослабил соединение на газовой плите, когда был у неё вчера. Достаточно было повернуть кран, чтобы газ начал выходить. Она уснула и не проснулась. Всё как всегда. «Несчастный случай».

Роман докурил сигарету и бросил окурки в урну. Сделал ещё одну затяжку из последнего запаса воздуха — и выдохнул. Всё. Один след замят.

Но затем он снова посмотрел на телефон. Проллистал новостную ленту дальше. И наткнулся на объявление на городском сайте. «Студия звукозаписи «Голос» проводит оцифровку старых плёнок. Последний заказ: Тамара Рощина, оцифровка голосовых записей».

Роман почувствовал, как сердце пропустило удар. Он прочитал объявление ещё раз. Там не было адреса студии — только номер телефона. Но Роман знал этот адрес. Он знал, где находится студия. Он сам был там семь лет назад, когда заказывал запись голоса для автоответчика. Он помнил бетонные стены, запах старой бумаги и человека за пультом — тогда это был пожилой мужчина, владелец.

Но теперь владелец был старый и редко появлялся. Роман знал, что звукорежиссёром там работает Денис Шмелёв. Он никогда не видел его лично, но слышал о нём. Слышал, что он профессионал, который слышит то, чего не слышат другие.

Роман сжал телефон. Тамара Львовна успела сделать заказ в студии. Это означало, что плёнки попали к Денису. Это означало, что Денис мог их прослушать. Он мог услышать тот голос. Мог начать задавать вопросы.

Роман почувствовал, как холодная волна пробежала по спине. Он не мог допустить, чтобы кто-то ещё узнал правду. Он должен был найти Дениса. Должен был убедиться, что плёнки уничтожены. И если Денис уже что-то услышал...

Он убрал телефон в карман и быстро пошёл к своей машине. "Лада" стояла у тротуара, грязная, с потёртым бампером. Роман сел за руль, завёл двигатель. Адрес студии он помнил наизусть. Он выехал на дорогу и направился в центр города.

Он ехал быстро, не замечая красных светофоров. Мысли путались. Он вспомнил, как семь лет назад пришёл в студию, чтобы записать голос. Простой голос для автоответчика: «Вы позвонили Роману. Оставьте сообщение». Его записали, сделали копию, и он ушёл. Он не думал тогда, что этот голос может стать оружием. Он не думал, что через пятнадцать лет кто-то услышит его на старой плёнке и свяжет с другими событиями.

Он подъехал к перекрёстку, где находилось здание с бомбоубежищем. Сбавил скорость, припарковался в двадцати метрах от входа. Он не выходил из машины. Он смотрел на неприметную дверь между продуктовым магазином и прачечной. Над дверью горела тусклая лампа. Внизу — металлическая табличка с надписью «Голос».

Роман сидел, сжимая руль. Он ждал. Через несколько минут дверь открылась, и вышел мужчина. Средний рост, тёмная ветровка, взъерошенные волосы. Он закрыл дверь, запер её ключом и направился к старой машине, припаркованной неподалёку.

Роман подался вперёд, чтобы лучше разглядеть. Это был Денис. Он узнал его по фотографии на сайте студии. Роман не отрываясь смотрел, как Денис садится в машину, заводит двигатель и выезжает на дорогу.

Роман запомнил номер машины. Жёлтый, с цифрами, которые легко запомнить. Он подождал несколько секунд, пока машина Дениса скрылась за поворотом, и затем медленно выехал следом.

Он не собирался приближаться. Он просто хотел знать, куда едет Денис. Может быть, он поедет домой. Может быть, он поедет к кому-то. Роман держался на расстоянии, не приближаясь, не включая фары. Он следовал за ним, пока машина Дениса не повернула на улицу Садовую.

Роман нахмурился. Улица Садовая. Он знал этот район. Там жила Галина — соседка Тамары Львовны. Роман почувствовал, как внутри него поднимается тревога. Денис ехал к дому Галины. Это было плохо.

Роман припарковался у соседнего дома, заглушил двигатель. Он видел, как Денис остановился у старого здания, вышел из машины и направился к подъезду. Роман смотрел, как он открывает дверь и исчезает внутри.

Роман сжал руль. Теперь он знал: Денис не просто звукорежиссёр. Он расследует. Он идёт по следу. И если он найдёт Галину...

Роман выдохнул. Он достал телефон и проверил новости ещё раз. Тамара Львовна мертва. Но Денис ещё жив. Он должен был оставаться живым — но он не должен был найти правду.

Роман сидел в машине и ждал. Он будет следить. Он будет знать, что делает Денис. И когда придёт время, он вмешается.

Он смотрел на подъезд, в котором скрылся Денис, и тихо сказал:

— Ты не знаешь, что ищешь, Денис. Но я знаю. И я не дам тебе найти это.

Он выключил зажигание и откинулся на сиденье. Ждать. Он умел ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.